

Содержание

Вводная часть

Историко-археографическое предисловие	9
Историческое предисловие: 250 суток подвига	28
Севастополь и Черноморский флот накануне и в первые месяцы Великой Отечественной войны	28
Оборона Севастополя в 1941 г.	38
Севастополь в период временного затишья	43
Третий штурм города	44

Раздел 1

Командиры и политработники Черноморского флота и Севастопольского оборонительного района

Предисловие.....	51
1. Стенограммы бесед с командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Октябрьским Филиппом Сергеевичем. 7, 8 марта 1943 г.....	63
2. Стенограмма беседы с членом военного совета Приморской армии генерал-майором Чухновым Иваном Филипповичем. 4 мая 1943 г.	107
3. Стенограмма беседы с начальником тыла Черноморского флота контр-адмиралом Зайцем Николаем Филипповичем. 16 апреля 1943 г.	117
4. Стенограмма беседы с комендантом гор. Севастополя майором Старушкиным Андреем Парамоновичем. 13 марта 1943 г.	128
5. Стенограмма беседы со старшим инструктором Политуправления Черноморского флота батальонным комиссаром Гуткиным Семеном Александровичем. Август 1942 г.....	145
6. Стенограмма беседы со старшим инструктором Политуправления Черноморского флота батальонным комиссаром Матвеевым Степаном Кузьмичем. Август 1942 г.....	157
7. Стенограмма беседы со старшим инструктором Политуправления Черноморского флота батальонным комиссаром Турлаковым Михаилом Васильевичем. 21 октября 1942 г.....	160

Раздел 2

Моряки кораблей Черноморского флота в обороне Севастополя

Предисловие.....	169
1. Стенограмма беседы с командиром Охраны водного района Главной базы Черноморского флота контр-адмиралом Фадеевым Владимиром Георгиевичем. 19 мая 1945 г.....	178
2. Стенограмма беседы с командиром 1-й бригады подводных лодок Черноморского флота контр-адмиралом Болтуновым Павлом Ивановичем. 17 марта 1943 г.....	184

3. Стенограмма беседы с комиссаром Отряда санитарных транспортов Черноморского флота батальонным комиссаром Вайсманом Иосифом Марковичем. Август 1942 г.	195
4. Стенограмма беседы с командиром линкора «Парижская коммуна» капитаном 1 ранга Зиновьевым Юрием Константиновичем. 8 марта 1943 г.	204
5. Стенограмма беседы с командиром крейсера «Красный Кавказ» капитаном 1 ранга Гуциным Алексеем Матвеевичем. 16 июля 1943 г.	214
6. Стенограмма беседы с комиссаром гвардейского крейсера «Красный Крым» батальонным комиссаром Вершининым Федором Павловичем. 12 января 1943 г.	232
7. Стенограмма беседы с командиром лидера «Ташкент» капитаном 2 ранга Ерошенко Василием Николаевичем. 6 марта 1943 г.	244
8. Стенограмма беседы с командиром подводной лодки «Л-4» капитаном 3 ранга Поляковым Евгением Петровичем. 16 марта 1943 г.	252
9. Стенограмма беседы с командиром гвардейского тральщика «Защитник» капитан-лейтенантом Михайловым Виктором Николаевичем. 15 марта 1943 г.	257
10. Стенограмма беседы с командиром БЧ-3 (минно-торпедной боевой части) эсминца «Свободный» старшим лейтенантом Куликовым Борисом Александровичем. 30 октября 1943 г.	275
11. Стенограмма беседы со штурманом гвардейского тральщика «Защитник» старшим лейтенантом Михайловым Федором Петровичем. 15 марта 1943 г.	283
12. Стенограмма беседы со старшиной машиной группы эсминца «Шаумян» мичманом Мисько Матвеем Васильевичем. 26 марта 1943 г.	291
13. Стенограмма беседы со старшиной группы мотористов подводной лодки «М-32» мичманом Пустовойтенко Николаем Куприяновичем. 23 марта 1945 г.	296
14. Стенограмма беседы с машинистом лидера «Харьков» старшим краснофлотцем Рогачевым Андреем Афанасьевичем. 26 марта 1943 г.	302
15. Стенограмма беседы с боцманом сторожевого катера СКА № 091 1-го Краснознаменного дивизиона сторожевых катеров старшиной 1 статьи Рокотовым Сергеем Петровичем. 15 марта 1943 г.	308

Раздел 3

Морские артиллеристы в обороне Севастополя 1941–1942 гг.

Предисловие.	319
1. Стенограмма беседы с начальником штаба 1-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка ПВО Черноморского флота подполковником Семеновым Иосифом Кузьмичем. 12 марта 1943 г.	325
2. Стенограмма беседы с заместителем начальника Политотдела береговой обороны Главной базы Черноморского флота батальонным комиссаром Прошенковым Николаем Алексеевичем. 31 августа 1942 г.	336
3. Стенограмма беседы с комиссаром 1-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка ПВО Черноморского флота батальонным комиссаром Баракиным Василием Егоровичем. 12 марта 1943 г.	348
4. Стенограмма беседы с комиссаром 1-го отдельного гвардейского артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Черноморского флота старшим политруком Сунгурьяном Арамом Мисаковичем. 10 марта 1943 г.	363
5. Стенограмма беседы с командиром 12-й батареи 2-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Черноморского флота капитаном Матушенко Михаилом Владимировичем. 22 марта 1945 г.	374
6. Стенограмма беседы с командиром 365-й зенитно-артиллерийской батареи 114-го зенитно-артиллерийского дивизиона ПВО Черноморского флота Героем Советского Союза лейтенантом Воробьевым Николаем Андреевичем. 19 марта 1945 г.	381
7. Стенограмма беседы с комиссаром 92-го зенитно-артиллерийского дивизиона 1-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка ПВО Черноморского флота старшим политруком Янковским Георгием Ивановичем. 27 марта 1943 г.	386

8. Стенограмма беседы с помощником командира 30-й батареи 1-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Черноморского флота старшим лейтенантом Подорожным Иваном Трофимовичем. 26 октября 1943 г.397
9. Стенограмма беседы с начальником санитарной службы 1-го отдельного артиллерийского дивизиона береговой обороны Главной базы Черноморского флота военврачом 2 ранга Мармерштейном Саулом Марковичем. 14 марта 1943 г.409

Раздел 4

Морские пехотинцы Черноморского флота в боях за Севастополь

- Предисловие.423
1. Стенограммы бесед с командиром 95-й стрелковой дивизии Приморской армии генерал-майором Капитохиным Александром Григорьевичем. 23 ноября 1943 г. и 4 января 1944 г. ...441
 2. Стенограмма беседы с командиром 172-й стрелковой дивизии Приморской армии полковником Ласкиным Иваном Андреевичем. 4 января 1943 г.448
 3. Стенограмма беседы с командиром 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота генерал-майором Жидиловым Евгением Ивановичем. 9 марта 1943 г.454
 4. Стенограмма беседы с комиссаром 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота бригадным комиссаром Ехлаковым Николаем Евдокимовичем. 1 февраля 1943 г.476
 5. Стенограмма беседы с командиром 2-го Перекопского полка морской пехоты Черноморского флота майором Тараном Николаем Николаевичем. 10 июня 1944 г.489
 6. Стенограмма беседы с комиссаром 3-го полка морской пехоты Черноморского флота батальонным комиссаром Чусовым Иваном Георгиевичем. 13 марта 1943 г.505
 7. Стенограмма беседы с командиром 2-го батальона 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота, Героем Советского Союза подполковником Гегешидзе Аркадием Спиридоновичем. 29 марта 1945 г.529
 8. Стенограмма беседы с бывшим командиром 1-й роты 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота лейтенантом Мельником Иваном Максимовичем. 11 марта 1943 г.546
 9. Стенограмма беседы с командиром пулеметного взвода 1-го батальона 7-й бригады морской пехоты Черноморского флота лейтенантом Дубровным Григорием Петровичем. Первая половина 1943 г. ...553

Раздел 5

Морские летчики в обороне Севастополя

- Предисловие.561
1. Стенограмма беседы с командиром-оператором штаба 3-й (Севастопольской) особой авиагруппы ВВС Военно-Морского Флота майором Немировским Эммануилом Наумовичем. 22 августа 1946 г.568
 2. Стенограмма беседы с командиром 5-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка 63-й авиабригады ВВС Черноморского флота Героем Советского Союза полковником Токаревым Николаем Александровичем. 25 марта 1943 г.572
 3. Стенограмма беседы с командиром 119-го морского разведывательного авиационного полка ВВС Черноморского флота подполковником Канаревым Виктором Павловичем. 22 августа 1946 г. ...582
 4. Стенограмма беседы с командиром 40-го бомбардировочного авиационного полка 63-й авиабригады ВВС Черноморского флота подполковником Морковкиным Иваном Ивановичем. 25 марта 1943 г. ...591
 5. Стенограмма беседы с военкомом 6-го гвардейского истребительного авиационного полка 62-й авиабригады ВВС Черноморского флота батальонным комиссаром Шевченко Иваном Григорьевичем. 22 октября 1942 г.599
 6. Стенограмма беседы с командиром 1-й эскадрильи 5-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка 63-й авиабригады ВВС Черноморского флота майором Чумичевым Федором Михайловичем. 23 марта 1943 г.610

7. Стенограмма беседы с командиром 3-й эскадрильи 9-го истребительного авиационного полка 62-й авиабригады ВВС Черноморского флота Героем Советского Союза капитаном Хряевым Василием Ильичом. 5 декабря 1942 г.	614
8. Стенограмма беседы с заместителем командира 3-й эскадрильи 116-го морского разведывательного авиационного полка ВВС Черноморского флота капитаном Ивченко Иваном Захаровичем. 26 августа 1946 г.	619
9. Стенограмма беседы с заместителя командира 4-й эскадрильи 6-го гвардейского истребительного авиационного полка 62-й авиабригады ВВС Черноморского флота гвардии капитаном Пономаревым Петром Степановичем. 27 августа 1946 г.	623
10. Стенограмма беседы с летчиком 1-й эскадрильи 40-го бомбардировочного авиационного полка 63-й авиабригады ВВС Черноморского флота лейтенантом Лебедевым Дмитрием Максимовичем. 24 августа 1946 г.	627
11. Стенограмма беседы с начальником химической службы 116-го морского разведывательного авиационного полка ВВС Черноморского флота капитаном Петиним Михаилом Васильевичем. 29 августа 1946 г.	635
12. Стенограмма беседы с инженером 3-й эскадрильи 6-го гвардейского истребительного авиационного полка 62-й авиабригады ВВС Черноморского флота воентехником 1 ранга Папковским Владимиром Григорьевичем. 27 августа 1946 г.	640
Именной указатель	647
Географический указатель	692
Указатель кораблей	701
Список сокращений	711
Список основных источников и литературы	713

ВВОДНАЯ ЧАСТЬ

Историко-археографическое предисловие

Эта книга не могла бы состояться без деятельного участия сотрудников Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР (1941–1945 гг.)¹, в условиях военного времени собравших публикуемые нами свидетельства о героических страницах обороны Севастополя в 1941–1942 гг. Для них — в гражданской жизни историков, литераторов — это было не просто исполнение профессионального и воинского долга (многие сотрудники Комиссии и прикомандированные к ней во время войны носили погоны). Деятельность Комиссии воспринималась возглавившим ее известным историком, член-корреспондентом АН СССР И. И. Минцем и его подчиненными как миссия исключительной важности — возможность внести свой вклад в Победу и одновременно сделать задел для последующего научного изучения событий войны и сохранения памяти о ней для будущих поколений. В силу своих профессиональных знаний лучше других осознавая необходимость по горячим следам фиксировать ход сражений, сотрудники Комиссии собирали документы, но также, что особенно важно, они проводили под стенограмму беседы с военнослужащими, оказавшимися в эпицентре боевых действий, особенно — проявившими самопожертвование и героизм

в борьбе с врагом, ставшими Героями Советского Союза.

В результате в Научном архиве Института российской истории РАН (далее — НА ИРИ РАН) отложился уникальный комплекс документов, позволяющих посмотреть на события военных лет глазами их непосредственных участников — офицеров, генералов и рядовых; летчиков, моряков, артиллеристов и пехотинцев; мужчин и женщин, представителей многих национальностей, военнослужащих разных поколений, происхождения, гражданских профессий и жизненного опыта. Выявление закономерностей, в частности, зависимости поведения человека на войне и его восприятия войны от указанных выше факторов, — эта междисциплинарная научная проблема и в наше время воспринимается как сложнейшая и новаторская. Постановка же подобной сверхзадачи в военное время, под которую с 1942 г. начала собираться соответствующая источниковая база в виде интервью и других материалов (в первую очередь в отношении Героев Советского Союза), тем более неординарна и заслуживает внимания в контексте не только отечественной, но и мировой историографии.

«То, что вы расскажете, не предназначено в газету и вообще в ближайшие годы не будет

¹ Комиссия по истории Великой Отечественной войны АН СССР была создана в конце 1941 г. решением ЦК ВКП(б). Подробнее о ее деятельности см.: Вклад историков в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне. На материалах Комиссии по истории Великой Отечественной войны АН СССР, 1941–1945 гг. / А. Г. Гуськов, К. С. Дроздов, С. В. Журавлев, В. Н. Круглов, Д. Д. Лотарева, В. В. Тихонов; отв. ред. С. В. Журавлев. М.; СПб., 2015; www.komiswow.ru.

нигде напечатано. Может, увидит свет только через полвека...»² — сообщали сотрудники Комиссии перед беседой, настраивая тем самым респондентов на максимальную откровенность. Именно в таком ключе во время войны создавались документы данного сборника. Однако публикуются они нами спустя даже не 50, а почти 80 лет после окончания войны.

Первый этап деятельности Комиссии по сборанию материалов об обороне Севастополя. Лето — осень 1942 г.

К середине 1942 г. в деятельности Комиссии И. И. Минца, точнее, — сформированного в ее составе Военного отдела (изучение истории воинских частей и боевых операций) наметилось новое самостоятельное направление — «Военно-Морской флот в Великой Отечественной войне». Предполагалось сначала организовать сбор материалов, в том числе интервью, об участии моряков, кораблей и подразделений флотов в военных операциях, затем на этой основе подготовить документальные сборники, а в дальнейшем приступить к научному исследованию роли ВМФ в войне.

В качестве приоритетной темы были выделены события, остававшиеся в то время в центре внимания, — героическая оборона Одессы и Севастополя, включая военные действия в акватории Черного моря до лета 1942 г. «Связка» будущих городов-героев не была случайной: многие защитники Одессы, в первую очередь моряки-черноморцы и военнослужащие Приморской армии, участвовали затем и в обороне Севастополя. С учетом трагических событий третьего штурма, среди выживших защитников города русской славы, с которыми Комиссия предполагала организовать интервью, оказались в основном раненые военнослужащие, которых до захвата Севастополя неприятелем удалось переправить на «большую землю»,

либо успевшие эвакуироваться в последние дни обороны представители высшего командного состава. Кроме того, важно было отразить для истории участие в обороне летчиков ЧФ и моряков с кораблей ЧФ, в том числе с судов, обеспечивавших снабжение осажденного Севастополя по морю. «Нам необходимо организовать стенографирование рассказов участников севастопольской обороны о их борьбе с врагом. Кроме того, желательно получение документов: дневников, листовок, писем и т. д. При достаточном количестве материала мы издадим сборники по названной теме»³, — отмечал И. И. Минц.

Осенью 1942 г. именно оборона Севастополя вышла на первый план в деятельности Комиссии. 28 ноября 1942 г. И. И. Минц по этому поводу записал в своем дневнике: «Стоит, пожалуй, заняться Севастополем... Я осознаю всю преждевременность работы, — в ушах отдается еще гул артиллерийской пальбы, — но люди уходят, а с ними и материалы. Начну, а там видно будет»⁴. Выявление документов и проведение интервью об обороне Севастополя планировалось организовать как в Москве, где располагался штаб и другие центральные структуры ВМФ, так и на Черноморском флоте, дислоцирующемся после оставления Севастополя на побережье Кавказа.

Ответственным за сбор материалов по военно-морской тематике в Комиссии был назначен 30-летний профессиональный историк, кандидат наук Михаил Герасимович Седов (1912–1991). До войны он являлся освобожденным комсомольским работником, но в условиях политических репрессий лишился должности и партбилета. В 1941 г. Седов успел побывать на фронте в московском ополчении. В начале 1942 г. он был демобилизован, вернулся в Москву и был зачислен доцентом находившегося в то время в эвакуации института МГУ им. М. В. Ломоносова (небольшая часть

² См.: *Фазин З. И.* Херсонесский мыс. М., 1986. С. 265. Данная книга, написанная в жанре литературного произведения, основана на военных дневниках автора и является важным историческим источником.

³ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 106.

⁴ «Из памяти выплыли воспоминания...» Дневниковые записи, путевые заметки, мемуары академика АН И. И. Минца. М., 2007.

университетских структур оставалась в столице). Основное время Седов стал уделять работе в Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

Летом — осенью 1942 г., после того как И. И. Минц от имени Комиссии разослал официальные запросы и рекомендательные письма⁵ руководству наркомата Военно-Морского Флота и его структур, Седов смог приступить к сбору документов об обороне Севастополя и к записи интервью с ее выжившими участниками — командирами и политработниками, по разным причинам оказавшимися в то время в Москве⁶. Некоторые из этих ранних интервью, датированные августом 1942 г., включены в наш сборник⁷.

Отложившиеся в Научном архиве ИРИ РАН документы Комиссии в некоторых случаях позволяют проследить результативность обращений Минца. Например, после того, как 13 августа 1942 г. он направил запрос начальнику политотдела Управления военно-морских учебных заведений ВМФ дивизионному комиссару А. Т. Муравьеву⁸, уже в течение 17–19 августа было организовано стенографирование Седовым бесед со слушателями

располагавшихся в столице краткосрочных курсов политсостава ВМФ — участниками обороны Севастополя батальонными комиссарами И. М. Вайсманом, С. А. Гуткиным, Н. А. Прошенковым (эти стенограммы публикуются нами в данной книге)⁹.

Помимо сбора информации в Москве, в августе 1942 г. планировалась, но так и не состоялась командировка М. Г. Седова на Черноморское побережье Кавказа — в места базирования Черноморского флота. В ходе ее подготовки 24 и 27 июля 1942 г. Минц от имени Комиссии составил письма¹⁰, адресованные находившимся в то время на Кавказе контр-адмиралу Г. В. Жукову¹¹ и генерал-майору И. Е. Петрову¹². Оба являлись ключевыми фигурами обороны Одессы и Севастополя. Обладая исключительной компетентностью, они знали такие детали событий, которые могли не найти отражения в официальных документах. Предполагалось, что направляемый на Кавказ М. Г. Седов, имея на руках письма Минца, встретится с ними и возьмет у них интервью.

Минц, в частности, отмечал, что Комиссия по заданию директивных органов (в других случаях прямо назывался ЦК партии) ведет работу

⁵ Любопытно, что в рекомендательных письмах И. И. Минц называет М. Г. Седова «ответственным сотрудником Комиссии» и «профессором МГУ», хотя на самом деле он был только доцентом.

⁶ Среди причин пребывания в Москве в 1942–1943 гг. — краткие командировки, учеба на курсах командного и политического состава ВМФ, служба в центральном аппарате ВМФ или в Московском флотском экипаже, нахождение на излечении в столичных госпиталях и др. Все эти возможности были использованы сотрудниками Комиссии для стенографирования бесед с участниками обороны Севастополя.

⁷ Ранние интервью несколько отличаются от более поздних. Единый стандарт интервью сложился в Комиссии в конце 1942 г. Он предусматривал, в частности, обязательное указание на дату, место проведения, кто проводит и стенографирует интервью. Кроме того, респондент должен был рассказать свою довоенную и военную биографию, прежде чем он перейдет к описанию основного сюжета, например, связанного с обороной Севастополя.

⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 83.

⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 3. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–17. Все эти стенограммы были исправлены респондентами и авторизованы в один и тот же день — 31 августа 1942 г., для чего они, скорее всего, были приглашены в помещение Комиссии по истории Великой Отечественной войны.

¹⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 75, 78.

¹¹ На момент написания письма Минца Г. В. Жуков являлся командиром Туапсинской военно-морской базы ЧФ. В 1941 г. в должности командующего Одесским оборонительным районом он руководил обороной Одессы, а затем до весны 1942 г., являясь заместителем командующего Черноморским флотом, принимал участие в обороне Севастополя.

¹² На момент написания письма Минца И. Е. Петров находился на Кавказе и ожидал назначения командующим 44-й армией Закавказского фронта. В период обороны Одессы и Севастополя Петров — командующий Приморской армией, один из руководителей Севастопольского оборонительного района в течение всех трех штурмов города.

по собиранию материалов об обороне Одессы и Севастополя. В связи с этим он просил Жукова и Петрова предоставить Седову имеющиеся в их распоряжении служебные документы по данной теме для копирования и использования Комиссией¹³, а также принять Седова для беседы и записи воспоминаний. В письмах специально отмечалось, что Комиссия гарантирует секретность предоставленных ей материалов и что работать с ними будут только люди, имеющие соответствующий допуск. К таковым относились как научные сотрудники, так и стенографистки Комиссии.

Сохранилось письмо И. И. Минца ректору МГУ им. Ломоносова Б. П. Орлову и декану истфака А. В. Ефимову от 28 июля 1942 г. В нем тоже речь шла о скорой командировке М. Г. Седова на Черноморский флот, поскольку он отвечал за составление сборника «Оборона Севастополя», «который он должен закончить не позже 1 сентября 1942 г.». «Работу нужно делать по живым следам: искать активных участников обороны, записать их рассказы, собрать документы, которые могут в противном случае затеряться»¹⁴, — подчеркивал Минц, имея в виду важность предстоящей поездки. Однако командировка М. Г. Седова на Кавказское побережье не состоялась. Только спустя полгода, 10 февраля 1943 г., туда для сбора материалов об обороне Севастополя был направлен новый сотрудник Комиссии — З. И. Факторович (Фазин), о чем речь пойдет ниже.

Работа по истории обороны Севастополя затормозилась в связи с тем, что над М. Г. Седовым стали сгущаться тучи. Возникли проблемы с допуском к документам (все материалы Комиссии Минца во время войны считались секретными). В конце 1942 г. Седов был отстранен от работы в Комиссии¹⁵, а в 1943 г. он был арестован и осужден на длительный срок за принадлежность к «антисоветской группе» (реабилитирован и восстановлен в партии в 1955 г.).

Потребовалось срочно искать замену Седову. 17 сентября 1942 г. И. И. Минц обратился к начальнику Главного политического управления — заместителю наркома ВМФ армейскому комиссару 2 ранга И. В. Рогову с просьбой усилить кадрами работу Комиссии по флотской тематике, а именно: прикомандировать к ней нескольких политработников ВМФ, которые знакомы с военно-морской спецификой и имеют допуск к секретным документам. «В первую очередь прошу прикомандировать на 3 месяца старшего политрука Факторовича (Фазина), работающего старшим инструктором журнала ВМФ «Агитатор». Тов. Факторович — писатель, но по «Истории гражданской войны» написал две хорошие книги... Тов. Фазин проявил научно-исследовательский подход к работе. Это сочетание историка и писателя делает его очень полезным для работы...»¹⁶ — отмечал Минц. Таким образом, имя Факторовича возникло не случайно — до войны он проявил себя

¹³ Вопрос об условиях предоставления в распоряжение Комиссии секретных документов, отложившихся в делопроизводстве политорганов, флотских и воинских частей и штабов разного уровня, требует отдельного изучения. Любопытно, что параллельно с деятельностью Комиссии Минца с 1942 г. по инициативе военного и военно-морского наркоматов в частях и соединениях было организовано собирание документов об их участии в боевых действиях с целью обобщения и анализа боевого опыта и выработки на этой основе практических рекомендаций. По линии НК ВМФ эта работа была организована на основании приказов «Об изучении боевого опыта и его реализации» от 10.02.1942 и «О результатах обобщения и реализации боевого опыта воюющих флотов и флотилий ВМФ» от 24.08.1942. В Главном морском штабе был создан исторический отдел, который руководил этой работой и обобщал поступавшие с флотов материалы по истории боевых действий.

¹⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 23. Л. 226.

¹⁵ Последний по времени «след» Седова в делопроизводственных документах Комиссии — зафиксированный в ее инвентарной книге под 6 ноября 1942 г. факт передачи 3 папок с собранными им материалами по истории обороны Севастополя и Одессы.

¹⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 52. Журнал «Агитатор» (ранее назывался «Партийно-политическая работа в ВМФ») во время Великой Отечественной войны издавался Главным политуправлением ВМФ и публиковал материалы в помощь флотским политработникам.

в другом руководимом Минцем начинании — «Истории гражданской войны в СССР».

Положительный ответ на запрос Минца пришел 20 октября 1942 г.: «По решению армейского комиссара 2 ранга Рогова в Комиссию по истории Отечественной войны тов. Факторович (Фазин) будет прикомандирован в ближайшее время, как только прибудет другой товарищ взамен его в журнале “Агитатор”»¹⁷. В соответствии с приказом наркома ВМФ от 1 декабря 1942 г., старший политрук Факторович с 5 декабря 1942 г. был прикомандирован Главным политуправлением ВМФ к Комиссии по истории Великой Отечественной войны¹⁸. В итоге он пробудет в Комиссии до конца войны. В 1943–1945 гг. именно Факторович (Фазин), продолжая начатое М. Г. Седовым дело, собрал основной массив интервью с участниками обороны Севастополя, публикуемые в настоящем сборнике. Поэтому мы сочли необходимым подробнее рассказать об этом человеке.

Военкор З. И. Факторович (Фазин) в осажденном Севастополе весной 1942 г.

35-летний литератор Зиновий Исаакович Факторович (1906–1980) накануне войны был более известен по взятому им в годы комсомольской юности «индустриальному» псевдониму Фазин¹⁹. В 1941 г. член партии и выпускник Литературного института стал военным корреспондентом и свою первую поездку в Севастополь с редакционным заданием весной

1942 г. совершил именно в этом качестве. Старший политрук Факторович (Фазин) в то время служил в издававшемся Главным политуправлением ВМФ журнале «Агитатор», писал для флотской печати репортажи и очерки о боевых эпизодах и героизме моряков. Срочную службу он в молодые годы проходил в Днепровской военной флотилии, поэтому флотская специфика была ему знакома.

В феврале 1942 г. вместе с другим литератором — Григорием Ниловым²⁰ Зиновий Фазин был командирован Главным политуправлением ВМФ в осажденный немцами Севастополь. Военкоры должны были собрать материал и написать для флотской печати очерки о жизни и боевой работе героев обороны: Нилов о 7-й бригаде морской пехоты, а Фазин о 30-й береговой батарее Черноморского флота. Однако в итоге Фазину пришлось одному выполнять обе части редакционного задания. Транспорт «Чапаев», на котором они вместе с маршевым пополнением, вооружением и другими грузами направлялись из Туапсе в Севастополь, 1 марта 1942 г. при подходе к городу из-за несогласованности подорвался на нашем минном заграждении и затонул. В результате катастрофы Нилов погиб, а Фазину удалось спастись²¹.

Пребывание в марте — апреле 1942 г. в осажденном Севастополе, обстановка в котором, несмотря на относительное затишье перед третьим штурмом, порождала у литератора Фазина отчетливые ассоциации с описанной Л. Н. Толстым героической первой обороной

¹⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 53.

¹⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 105–106.

¹⁹ К сожалению, биография З. И. Факторовича (Фазина) не написана. Остается неизвестной и судьба его документального наследия — литературного архива и дневников, которые он вел в годы войны. Судя по справочной литературе в РГАЛИ и ЦГАЛИ СПб (после войны он жил в Ленинграде), личные фонды З. И. Факторовича (Фазина) отсутствуют.

²⁰ Нилов Григорий Родионович — в начале 1942 г. интендант 2 ранга, редактор отдела печати Управления агитации и пропаганды Главного политуправления ВМФ, награжден медалью «За оборону Москвы», погиб 1 марта 1942 г. около Севастополя при подрыве на mine транспорта «Чапаев».

²¹ Среди спасшихся оказался возвращавшийся с Кавказского побережья в Севастополь корреспондент выпускавшейся в городе ежедневной газеты политуправления Черноморского флота «Красный черноморец», до войны — известный литератор В. Д. Ряховский (1897–1951). Его рассказ о катастрофе «Чапаева» был позже опубликован в сб.: *Мусьяков П.* Писатели на флоте в годы Великой Отечественной войны. М., 1977. П. И. Мусьяков (1902–1976) до февраля 1942 г. был ответственным редактором «Красного черноморца». Затем он был переведен из Севастополя в Москву на повышение, где возглавил центральный орган ВМФ — газету «Красный флот».

города периода Крымской войны. Все это побуждало посмотреть на Великую Отечественную войну как на событие всемирно-исторического масштаба, которое должно быть задокументировано и сохранено для будущих поколений. «В 1942 г. в период обороны Севастополя корабль, на котором шел туда тов. Факторович, погиб, и будучи подобран катером и доставлен в Севастополь, тов. Факторович успешно выполнил порученные ему задания, причем непосредственно на 30-й батарее и в других частях организовал и собрал ценный материал об участии этих частей в обороне Севастополя. Продолжая эту работу в 1943 и 1944 гг., он записал более 100 участников обороны Севастополя и Одессы», — отмечалось в наградном листе, ныне доступном на сайте «Подвиг народа». В 1944 г. капитан Факторович (Фазин) был награжден медалью «За оборону Севастополя», а в 1945 г. по ходатайству руководства Комиссии он был представлен к ордену Красной Звезды.

Любопытно, что защитники Севастополя, с которыми прибывшему в город военкору Фазину удалось побеседовать весной 1942 г., тоже ощущали себя участниками событий исторической значимости. Так, на просьбу рассказать о боевой деятельности 7-й бригады морской пехоты ЧФ ее военный комиссар Н. Е. Ехлаков ответил Фазину: «Для истории, значит, работаете. Ну, давайте, давайте. Это тоже надо... Душу показать — вот что Ваше дело. Людей, самых простых... А стрельбу будет кому описывать и без Вас»²².

Через несколько месяцев, в ходе третьего штурма Севастополя, Н. Е. Ехлаков (1908–1998) будет тяжело ранен, почти в безнадежном состоянии переправлен на «большую землю», но выживет. Удастся спастись и командиру 7-й бригады морской пехоты Е. И. Жидилову, интервью с которым будет взято Фазиным год спустя. Оно тоже публикуется в данной книге.

В ноябре 1942 г., узнав, что Ехлаков находится на излечении в московском госпитале, Фазин придет его навестить. Разговор у них зайдет об обороне Севастополя, о героизме защитников и трагической сдаче города, и что все это должно сохраниться для истории. Они договорятся об интервью, как только Ехлакову станет лучше. Первая часть беседы под стенограмму состоялась в госпитале 1 февраля 1943 г. К тому времени Фазин уже был командирован в распоряжение Комиссии и мог взять с собой стенографистку. Это интервью публикуется в настоящем сборнике, но рассказ Ехлакова носит неоконченный характер. В связи с отъездом Фазина 10 февраля 1943 г. в командировку на Кавказ, продолжения интервью с Ехлаковым не последовало, а далее их пути разошлись. Герою обороны Севастополя, ставшему инвалидом 35-летнему полковнику Ехлакову в 1943 г. предстояло решать, как жить дальше. После войны он поселился в Севастополе и, став экскурсоводом, связал свою судьбу с историей этого города.

Во время командировки в осажденный Севастополь Фазин неожиданно встретил в нем Н. М. Кулакова, с которым был когда-то знаком во времена комсомольской юности в Киеве. Прошли годы, и весной 1942 г. член Военного совета Черноморского флота дивизионный комиссар Кулаков оказался одним из руководителей обороны Севастополя. Когда ему доложили, что на подходе к городу транспорт «Чапаев» подорвался на минном заграждении и оказавшийся за бортом Фазин чудом спасся, Кулаков взял его под свою опеку: помог с жильем, отрекомендовал подчиненных для встреч и бесед, организовал поездки в подразделения ЧФ.

Но оказалось, что у него есть и особый интерес. Кулаков завел разговор о том, что Севастополь — «бастион мужества», который достоин войти в историю. В осажденном городе побывало немало литераторов и военкоров²³, но, по

²² Фазин З. И. Херсонесский мыс. С. 154.

²³ Сражающийся Севастополь действительно притягивал к себе литераторов. Во время осады здесь в числе других побывали Леонид Соболев, Леонид Соловьев, Сергей Алымов и др. Рвался в Севастополь и соавтор «Двенадцати стульев» Евгений Петров. В публикуемой нами в данном сборнике стенограмме беседы с командиром лидера «Ташкент» В. Н. Ерошенко рассказывается, как лидер прибыл в бухту Севастополя в ночь на 27 июня 1942 г.,

мнению Кулакова, «нам нужен историк, который расскажет о событиях обороны Севастополя на примере 30-й батареи или 7-й бригады морской пехоты»²⁴. Увидев заинтересованность Фазины, Кулаков передал ему для ознакомления материалы для будущей истории. В папке оказались данные об обороне города, сводки и обзоры боевых действий с описанием эпизодов боев и героизма защитников города, докладные записки о политработе в частях и др.

После встречи с Кулаковым Фазин загорелся идеей собрать материал по истории обороны Севастополя. Когда он в середине марта 1942 г., после двухнедельного нахождения в расположении 7-й бригады морской пехоты, прибыл на 30-ю батарею береговой обороны ЧФ, то представил руководству батареи свою цель уже значительно шире редакционного задания, которое получил в Москве: «Я... вижу свою задачу не только в корреспонденциях. Стараюсь я больше для истории, то есть, в задание мое входит и собирание такого материала, который сейчас и не подумаешь печатать, в силу понятных обстоятельств, а потом этому материалу цены не будет»²⁵, — сообщил он. В доказательство своих полномочий и особого расположения начальства он показал папку с документами Кулакова, что должно было развеять последние сомнения. «Ну раз вы для истории стараетесь, то все Вам расскажем и покажем... Пускай потомки знают, почему фунт истории...»²⁶ — произнес в ответ комиссар батареи старший политрук Е. К. Соловьев, до войны — работник одного из райкомов партии. Однако во время индивидуальной беседы Е. К. Соловьев проявил большую осторожность. Устно рассказывая довольно много

и откровенно о событиях и проблемах обороны Севастополя, он при этом не забывал указывать Фазину, что из его повествования можно записать в журналистский блокнот, а что нет, поясняя: «Пока война, даже истории не все положено знать»²⁷.

Дело было не только в опасении раскрыть военную тайну. Все ли, что происходит на войне, подлежит огласке? Нужно ли, например, давать бытовые подробности? Наряду с фактами отваги и самопожертвования рассказывать и тем самым оставлять «для истории» случаи пьянства, дезертирства, трусости? Как быть с неудачными операциями и с ошибками командования, с влиянием личных отношений на службу? Например, в публикуемом нами в данном сборнике интервью помощник командира 30-й батареи по тылу И. Т. Подорожный весьма подробно повествует о личных качествах бывших сослуживцев. В том числе он рассказал, что за ноябрьские 1941 г. бои под Севастополем командир 30-й батареи Г. А. Александер был представлен к награде — ордену Красного Знамени, а комиссар этой батареи Е. К. Соловьев — первоначально представлен не был²⁸. По мнению Подорожного, это произошло из-за натянутых отношений Соловьева с вышестоящим начальником — комиссаром артдивизиона.

Стоит ли об этом рассказывать в интервью? Подобные вопросы неоднократно всплывали, но однозначного ответа на них не находилось. Практика показала, что респондент сам решал, о чем стоит говорить, а о чем нет. Можно обратить внимание, однако, на то, что приглашенного для беседы всегда просили больше рассказывать о случаях героизма, свидетелем которых

писатель сошел было на берег, но был возвращен на «Ташкент». В условиях развернувшихся в городе боев лидеру было приказано срочно грузиться и вместе с Е. Петровым покинуть Севастополь. Литератор А. М. Хамадан (Файнгар) успел побывать в осажденном Севастополе несколько раз и даже опубликовать свои впечатления (*Хамадан А. М.* Севастопольцы. Записки военного корреспондента. М., 1942). Во время третьего штурма он попал в плен и год спустя погиб в неволе.

²⁴ После войны он издаст свои воспоминания об обороне Севастополя, в которых подробно опишет и деятельность этих подразделений: *Кулаков Н. М.* 250 дней в огне. М., 1965.

²⁵ *Фазин З. И.* Херсонесский мыс. С. 187.

²⁶ Там же. С. 187.

²⁷ Там же. С. 222.

²⁸ Соловьев был награжден орденом Красной Звезды только в конце февраля 1942 г. Александер и Соловьев погибли во время третьего штурма Севастополя.

он оказался, а вот раскрывать негативные явления не считалось обязательным. Фазин впоследствии признавался, что в ходе интервью он избегал задавать вопросы, которые могли поставить респондента в неудобное положение, например, если они касались военных секретов: «...не обо всем он может рассказать при всем желании оставить свидетельство для истории»²⁹.

Впоследствии, проведя уже в качестве сотрудника Комиссии И.И. Минца много бесед с военнослужащими, Фазин смог убедиться в том, что представители командования и политорганов, являвшиеся носителями военных секретов и прошедшие до войны основательную школу жизни, как правило, вели себя во время интервью более осторожно и сдержанно, чем более молодые по возрасту младшие офицеры и рядовые. Морские офицеры порой более откровенно делились своими мыслями и переживаниями с тоже носившим военную форму Фазиным тет-а-тет и не под запись. Появление стенографистки в гражданском платье, использующей вместо слов загадочные значки (со стенографией были знакомы далеко не все опрашиваемые), могло изменить ход доверительного разговора. Кто-то опасался «лишних ушей», однако некоторые респонденты Фазина в присутствии молодой симпатичной стенографистки, напротив, вели себя более раскованно.

Многое зависело от того, в каком месте и в какой обстановке проводится интервью. Попытки бесед в госпитальной палате, на квартире, непосредственно на передовой или на кораблях ЧФ, в присутствии посторонних, не всегда в полной мере удавались. В окопах «записывать беседы с бойцами никакой возможности, разговаривать приходится вполголоса»³⁰, — сетовал

по этому поводу Фазин весной 1942 г., находясь под Севастополем в расположении 7-й бригады морской пехоты.

Помимо пока еще журналистских, с записью в блокнот, бесед с участниками обороны Севастополя, весной 1942 г. Фазин начал собирать и документальный материал. Кроме упомянутой папки, переданной Кулаковым, на 30-й береговой батарее ему дали ознакомиться с документами, которые могли пригодиться для истории подразделения. Среди них оказалась записка под названием «Краткая история 30-й батареи». Фазина она настолько заинтересовала, что он захотел переписать содержание записки в свой блокнот, но получил ее в подарок (видимо, в наличии имелся не один машинописный экземпляр), и, по его словам, после войны он хранил этот документ, привезенный из осажденного Севастополя, как реликвию в домашнем архиве³¹.

Наряду с материалами военного делопроизводства, в документах оказалось неотправленное письмо павшего в бою батарейца, который пытался успокоить своих домашних стихотворным рассказом о своем житье-бытье (эти незатейливые строки Фазин переписал в свой журналистский блокнот):

Живем, не тужим,
Фашистов стружим,
Водку пьем
И фрицев бьем³².

В конце апреля 1942 г. по приказу командования Фазин был отозван из Севастополя на «большую землю», после чего он вернулся к основному месту службы в Москву, в журнал «Агитатор».

²⁹ Фазин З.И. Херсонесский мыс. С. 301.

³⁰ Там же. С. 170.

³¹ Там же. С. 191–192. Судьба записных книжек военных лет и других документов домашнего архива писателя неизвестна. Сегодня, однако, есть возможность не только изучить «Краткую историю 30-й батареи», которая хранится в филиале ЦАМО РФ — Архиве ВМФ в Гатчине, но и выяснить обстоятельства составления этого документа. Он датирован 24 февраля 1942 г. и подготовлен в связи с представлением 1-го отдельного артдивизиона Береговой обороны ЧФ, в состав которого входила 30-я батарея, на Гвардейское звание. Это почетное звание было присвоено дивизиону приказом НК ВМФ 18 июня 1942 г. К тому времени в ходе третьего штурма Севастополя 30-я батарея сражалась в окружении врага (ЦАМО РФ — Архив ВМФ. Ф. 2094. Оп. 0077268. Д. 27).

³² Фазин З.И. Херсонесский мыс. С. 192. Речь в стихотворении идет об официально выдававшихся в РККА и ВМФ в соответствии с решением СНК СССР от 30.08.1941 т. н. «наркомовских 100 граммах».

После освобождения Севастополя от нацистов весной 1944 г. Фазин уже в качестве опытного сотрудника Комиссии по истории Великой Отечественной войны бывал в этом городе, собирал материалы, брал интервью³³. Однако его первая журналистская командировка в Севастополь весной 1942 г. имела особое значение, убедив в важности труда историка и подготовив его тем самым к последующей работе в Комиссии.

1943–1945 гг.: новые этапы собирания Комиссией материалов об обороне Севастополя

Успешная деятельность Комиссии по собиранию материалов военно-морской тематики объяснялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, заинтересованной поддержкой со стороны начальника Главного политического управления ВМФ И. В. Рогова, который решением ЦК партии был включен в состав Комиссии по истории Великой Отечественной войны. Во-вторых, тем, что история обороны Севастополя оказалась в руках З. И. Факторовича (Фазина), который ответственно отнесся к этому поручению.

После того как в начале декабря 1942 г. З. И. Факторович (Фазин) был прикомандирован к Комиссии, первые несколько месяцев ушли у него на ознакомление с ранее собранными М. Г. Седовым документами по истории обороны Одессы и Севастополя. Одновременно он, опираясь на выданные Минцем рекомендательные письма, продолжил работу Седова по сбору дополнительных материалов в структурах ВМФ в Москве. В январе — феврале 1943 г., в частности, он получил доступ к материалам Главного политуправления ВМФ и Главного морского штаба НК ВМФ³⁴.

Факторовичу также удалось разыскать нескольких временно находившихся в столице

участников обороны Севастополя и взять у них интервью. Среди них был Ф. П. Вершинин — бывший военный комиссар крейсера «Красный Крым», на котором в апреле 1942 г. Фазин покинул Севастополь (эта стенограмма представлена в нашем сборнике).

В наградном листе 1945 г., в связи с представлением к ордену Красной Звезды, отмечалось, что, будучи сотрудником Комиссии, капитан З. И. Факторович (Фазин) «сумел в ходе войны организовать и собрать большой научно-исторический материал об обороне и освобождении городов-героев Севастополя и Одессы и по участию Черноморского флота в войне. Эту важную и трудную работу капитан Факторович проводил непосредственно в действующих частях и на кораблях ВМФ и в базах флота».

Действительно, значительная часть материалов, в том числе вошедших в данный сборник, была собрана Фазиным в ходе нескольких командировок в прифронтовую полосу. Первая командировка — на Кавказское побережье, где после захвата неприятелем Севастополя находилась Главная база и штабные структуры Черноморского флота, состоялась весной 1943 г.

Подготовка к командировке велась заранее. В частности, 21 января 1943 г. Минц вновь (после несостоявшейся поездки Седова) направил письмо одному из бывших руководителей обороны Севастополя, в тот момент — командующему Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанту И. Е. Петрову. Минц просил оказать содействие в развернутой Комиссией работе по истории обороны Севастополя и сообщал: «В ближайшее время мы намерены послать к Вам нашего ответственного сотрудника капитана Фазина З. И.»³⁵. Спустя несколько дней, 27 января 1943 г., И. И. Минц информировал руководство Главного политуправления ВМФ, что прикомандированный к Комиссии с 5 декабря 1942 г. капитан

³³ Стенограммы бесед об освобождении Крыма и Севастополя публиковались нами в кн.: «Здесь кровью поллит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Крыма. 1943–1944 гг.: сб. док. / отв. ред. С. В. Журавлев. М.; СПб., 2020.

³⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 87, 89, 94.

³⁵ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 168.

Факторович (Фазин) «закончил ознакомление с [имеющимся в Москве] материалом [об обороне Севастополя] и направляется для собирания дальнейшего материала на Черноморский флот». Минц просил оформить З.И. Фазину и стенографистке Комиссии А.И. Шамшиной командировку на 2 месяца. Это ходатайство было поддержано, после чего Факторовичу и Шамшиной была оформлена командировка с 10 февраля по 10 апреля 1943 г.³⁶

Фазин вез с собой на Кавказ рекомендательные письма И.И. Минца, адресованные персонально двум лицам — командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Ф.С. Октябрьскому и командующему Черноморской группой войск Закавказского фронта генерал-лейтенанту И.Е. Петрову. Оба письма были датированы 10 февраля 1943 г. и имели одинаковое содержание³⁷. Предполагалось, что по прибытии на место Фазин передаст их адресатам, а те окажут ему содействие. Встречи с Октябрьским и Петровым и запись интервью с ними рассматривались руководством Комиссии, таким образом, как приоритетные пункты командировки Фазины.

«Вы знаете, что Комиссия по истории Великой Отечественной войны собирает материалы и готовит книгу об обороне Одессы и Севастополя. Нет нужды говорить Вам, насколько важна эта работа, насколько она трудна в настоящих условиях, но, тем не менее, крайне необходима. Именно сейчас, не откладывая дела в долгий ящик, надо вылавливать тот ценнейший материал, который не только для будущей истории, но уже в ходе войны сослужит нам большую службу. Особенно это относится к материалу, который не фиксирован, не записан, а хранится лишь в памяти и переживаниях участников Отечественной войны»³⁸, — отмечал Минц. Далее он переходил к тому, что в настоящее время Комиссия имеет ответственное поручение — подготовить и выпустить в возможно более короткие сроки книгу об

обороне Одессы и Севастополя в 1941–1942 гг. Для этого идет сбор материалов по трем основным направлениям: запись воспоминаний активных участников обороны, сбор документальных материалов, а также подбор литературы (книги, газеты, листовки, брошюры и др.). «Многое из того, что можно было собрать и сделать в самой Москве, уже сделано», — сообщал Минц. Для сбора материалов на Кавказе «Комиссия командировует к Вам ответственного сотрудника капитана Фазины З.И.».

Далее в письме Минца содержались конкретные просьбы. «Большую помощь могли бы оказать нам Вы... поделившись, во-первых, личным подробным рассказом о Вашей боевой жизни во время войны. Чем подробнее будет рассказ, тем лучше. Дайте в нем характеристику основных военных операций, проведенных Вами, отдельных эпизодов обороны Одессы и Севастополя, ее руководителей, и особенно расскажите о наших бойцах. Другими словами, все, что Вы видели». Помимо согласия на интервью, Минц просил «оказать содействие тов. Фазину в собирании документов и материалов по обороне Севастополя и Одессы и в записи воспоминаний Ваших товарищей — героев обороны». Если у Октябрьского и Петрова есть документы по истории обороны Одессы и Севастополя, то Минц просил передать их для Комиссии через Фазины или выслать непосредственно в Москву на адрес Комиссии. «Гарантируем Вам полную сохранность документов. Работать над ними будут только те, кому поручено ЦК»³⁹, — заверял Минц в конце письма.

Добираться из Москвы на Черноморское побережье Кавказа Фазину и Шамшиной пришлось по железной дороге окружным путем. На деле вместо двух месяцев эта командировка продлилась 73 дня, из которых на месте удалось поработать только 44. Остальные ушли на дорогу в оба конца⁴⁰. В материалах Комиссии сохранился приказ, из которого видно, что Фазин

³⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 95; Д. 34. Л. 91.

³⁷ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 198, 200.

³⁸ Там же. Л. 198, 200.

³⁹ Там же. Л. 198, 200.

⁴⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 11. Сведения о командировках сотрудников Комиссии в 1943 г.

и Шамшина после возвращения в Москву приступили к работе только 23 апреля 1943 г.⁴¹

Во время командировки на Кавказ ими было взято 38 (по другим данным — 40) интервью с участниками обороны Севастополя и получен другой ценный документальный материал. Основная часть бесед проходила в Потти, где в то время располагалась Главная база ЧФ, но некоторые записи были сделаны также в Туапсе, Сухуми, Сочи (здесь было много госпиталей и во время оккупации располагался Крымский обком партии, руководители которого тоже были опрошены).

По возвращении в Москву Фазин представил руководству Комиссии краткий отчет о командировке — Справку о собранных им материалах. «Основной задачей поездки на Черноморский флот был сбор материала по теме “Оборона Севастополя и боевые операции Черноморского флота”, — отмечал Фазин. — Сбор материала производился непосредственно на кораблях и в частях Черноморского флота. Застенографированы рассказы 40 участников обороны Севастополя. Среди них представители командования флота, работники Политуправления флота, командиры, политработники и бойцы кораблей... а также частей морской пехоты, авиации, береговой обороны и т.д.»⁴². По мнению Фазина, из собранных им весной 1943 г. материалов наибольший интерес представляли стенограммы бесед с командующим ЧФ вице-адмиралом Ф. С. Октябрьским, а также с рядом других офицеров и политработников флота (в общей сложности — 12 фамилий, практически все эти интервью включены нами в данную книгу).

В настоящем сборнике в числе других публикуются стенограммы бесед с летчиком Н. А. Токаревым, для встречи с которым Фазин

с Шамшиной выезжали в расположение его авиабригады на побережье Черного моря, а также со знакомым Фазину еще по его поездке в Севастополь весной 1942 г. бывшим командиром 7-й бригады морской пехоты ЧФ полковником Е. И. Жидиловым⁴³.

Оказалось, что этот легендарный комбриг, который во время обороны Севастополя был трижды ранен, но не ушел с передовой, в марте 1943 г. страдал от банальной простуды. Вместо своего служебного помещения (он занимал тогда должность в штабе ЧФ в Потти) он пригласил сотрудников Комиссии к себе на квартиру. Пока Шамшина с женой Жидилова готовили на кухне чай, мужчины вспоминали свою первую встречу в Севастополе. Когда чай был выпит и началась официальная часть интервью с участием стенографистки, выяснилось, что Жидилов «не очень охотно разрешает ей записывать». В частности, Фазин хотел больше узнать о последних боях бригады во время 3-го штурма города, но для Жидилова гибель сослуживцев и обстоятельства собственного спасения были слишком тяжелой темой, и он, как оказалось Фазину, стремился уйти от нее⁴⁴.

В целом командировка складывалась удачно. Интервью удалось провести и с некоторыми офицерами подводных лодок и надводных кораблей ЧФ, базировавшихся на побережье. Напрасно опасаясь флотских суеверий, Фазин сначала предпочитал не брать с собой на корабль стенографистку, о чем потом сожалел — настолько важными и интересными оказывались беседы с моряками. Так, с его слов, в марте 1943 г. в Потти он побывал на кораблях, участвовавших в обороне и снабжении Севастополя в 1941–1942 гг. Интервью он тогда брал то на палубе, то в кают-компаниях, то в матросском

⁴¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 34. Л. 75.

⁴² НА ИРИ РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 105.

⁴³ Фазин З. И. Херсонесский мыс. С. 278–279, 300.

⁴⁴ Там же. С. 278–279. В конце июня 1942 г., когда сдача Севастополя стала неизбежной, полковник Жидилов в числе других командиров был вызван с передовой сначала на совещание в штаб Севастопольского оборонительного района, а затем получил приказ срочно эвакуироваться оттуда на «большую землю». В результате он не успел попрощаться со своими бойцами (к тому моменту из трех батальонов бригады в строю оставалось 150 чел.), перед которыми он, командир, неожиданно для них исчезнувший и в итоге выживший, чувствовал свою вину. В 1973 г. Е. И. Жидилов выпустил книгу воспоминаний о 7-й бригаде морской пехоты «Мы отстаивали Севастополь».

кубрике. «Узнаю много, но записи веду куцые, сумбурные, кое-как и на ходу»⁴⁵, — признавался Фазин, особенно сокрушаясь, когда с ним не было стенографистки. В некоторых случаях с этими же участниками событий позднее ему удавалось встретиться вновь и организовать интервью под запись. Опыт показывал, что стенографирование лучше проводить на берегу, в спокойной обстановке служебного помещения (на практике часто — в местном политотделе).

Отказов от общения Фазин почти не встречал. «Все дороги открывала передо мной бумага, что я — из Комиссии...»⁴⁶ — вспоминал впоследствии Фазин. Это не исключало проявления бдительности со стороны военных, особенно на высоких должностях, с которыми он встречался: «Кто я, он выяснил еще до начала беседы при знакомстве, и документы проверил со всей тщательностью»⁴⁷.

Особый интерес вызвала у З.И. Фазины личность командующего Черноморским флотом вице-адмирала Ф.С. Октябрьского — одной из ключевых фигур в истории обороны Севастополя. Фазин смог передать адресованное ему процитированное выше письмо И.И. Минца от 10 февраля 1943 г., после чего Октябрьский пригласил сотрудников Комиссии для интервью в свой просторный кабинет на флагманском КП Черноморского флота в г. Потти. «Командующий ЧФ вице-адмирал Октябрьский без долгих раздумий согласился побеседовать со мной при стенографистке... Никогда ни до, ни после войны я не встречал такого уважения к истории, как в те дни», — вспоминал Фазин, имея в виду в том числе готовность командующего ЧФ ради интервью, предназначенного «для истории», отложить срочные дела⁴⁸.

Беседа З.И. Фазины с Ф.С. Октябрьским при участии стенографистки Комиссии А.И. Шамшиной получилась долгой и непростой. Достаточно сказать, что в один день уложиться не удалось. Публикуемая в нашем сборнике стенограмма стала результатом двух дней работы — начался разговор 7 марта 1943 г., а продолжился на следующий день, когда Ф.С. Октябрьский начал с воспоминаний об обороне Одессы, а далее, судя по всему, по просьбе Фазины вносил дополнения и уточнения в сказанное им в первый день.

Для всестороннего анализа содержания любой стенограммы предпочтительно знать подробности беседы, информацию о внешнем виде, эмоциональном состоянии, реакцию респондента на ту или иную затронутую в ходе беседы тему и т.д. Современному историку важно понять и то, все ли вошло в итоговый текст стенограммы, была ли проведена ее авторизация и какие именно правки вносились. В связи с этим оставленное З.И. Фазиным в вышедшей после войны книге «Херсонесский мыс» подробное описание его интервью с Октябрьским 7–8 марта 1943 г. представляет несомненный интерес.

Выясняется, в частности, что стенограмма не отразила участия Фазины в беседе. Она выглядит как монолог адмирала, тогда как на самом деле Фазин периодически задавал ему вопросы, направляя разговор в определенное русло. В фонде Комиссии Минца есть сравнительно немного стенограмм, построенных в форме диалога, однако публикуемые в данном сборнике не отражают участия интервьюера в беседе. Скорее всего, стенографистка просто не фиксировала вопросы, тщательно занося

⁴⁵ Фазин З.И. Херсонесский мыс. С. 275. Старое суеверие о том, что женщина на военном корабле — к беде, во время Великой Отечественной войны вряд ли имело широкое распространение. В том числе потому, что суда гражданского флота, на которых ходили в том числе женщины, с началом войны были мобилизованы для военных нужд и участвовали в совместных операциях с ВМФ. Кроме того, надводные корабли ЧФ во время осады постоянно эвакуировали из Севастополя гражданское население.

⁴⁶ Фазин З.И. Херсонесский мыс. С. 265.

⁴⁷ Там же. С. 302.

⁴⁸ Там же. С. 265. Необходимо иметь в виду, что во время интервью весной 1943 г. Черноморский флот, которым командовал Ф.С. Октябрьский, участвовал в боевых действиях в ходе Краснодарско-Новороссийской наступательной операции.

лишь ответы на них. Поэтому при чтении некоторых мест в тексте создается впечатление, что опрашиваемый перескакивает с одной темы на другую.

Какое же впечатление произвел на З. И. Фазина 43-летний командующий ЧФ Ф. С. Октябрьский? «Он небольшого роста, лысоватый, держится просто, не важничает. Вопросов не ждет. Что надо рассказать, сам знает»⁴⁹, — подмечал сотрудник Комиссии. Октябрьский, как его и просили, начал с рассказа о довоенной биографии, поведал о семье, родителях, о судьбе своих братьев и сестер, о службе на флоте. Когда речь зашла о военном времени, появилось напряжение. Октябрьский поинтересовался у бравших интервью, всю ли правду обычно говорят респонденты, не утаивают ли чего. Фазин, с его слов, ответил, что, конечно, не всю, а про себя почему-то подумал, что и Октябрьский тоже всю правду не скажет⁵⁰.

«С горечью говорил он о боях под Керчью, — ничего не скрывал и никого не щадил. Я видел — он так волнуется, хоть сердечные капли подавай», — записал Фазин. Далее Октябрьский приступил к рассказу о боях за Севастополь. Он вспоминал о героических эпизодах обороны, о штурмах города, о том, как во время третьего штурма 7-я бригада морской пехоты дралась геройски и почти вся погибла, как 30-я батарея долго держалась, несмотря на массированные бомбежки с воздуха. Перечислил имена погибших. Неожиданно он отвлекся и обратился к бравшим интервью: «Признаюсь, у меня у самого сердце начинает щемить, как вспомню. Только Вы, Анастасия Ивановна, этого не записывайте, пожалуйста... — попросил он стенографистку Шамшину. — Не все позволено мне, сами понимаете...»⁵¹ В этот момент Фазин засомневался, то ли Октябрьского беспокоило, как он выглядит в глазах молодой симпатичной стенографистки, то ли командующий

Черноморским флотом не хочет быть запечатленным «для истории» слабым и сентиментальным человеком. Описанное выше отступление от интервью, как и просил Октябрьский Шамшину, в текст стенограммы не попало.

Когда речь зашла о последних трагических днях обороны Севастополя, интервью достигло своей кульминации. Фазин спросил, сколько оставалось населения в городе в конце штурма. Октябрьский ответил, что тысяч 30 из более чем 100 тыс. до войны. В последние дни город горел, а тушить пожары было некому. Трупы не вывозились. Спасти раненых не было возможности. Кончались боеприпасы, и все же остатки наших войск сражались. «Видно, что каждое слово дается Октябрьскому с трудом, он тер и тер лоб»⁵², — записал Фазин, отметив нарастающее волнение адмирала.

После вопроса о количестве наших военнослужащих, попавших в плен в Севастополе, Октябрьский попросил стенографистку остановить запись, но так ничего и не ответил. «Проходит напряженная минута. Командующий вздыхает всей грудью и молчит», — записал Фазин. После паузы Октябрьский начал говорить о несравнимом соотношении сил в пользу немцев, что и предопределило исход сражения. «Решаюсь задать еще вопрос Октябрьскому: “Последние бои проходили уже на Херсонесе. Вы были там?” Октябрьский долго молчит, вертит в руках карандаш. Был... да... — вдруг откинул карандаш и шумно вздохнул...»⁵³ Он рассказал, что на Херсонесском мысе располагалась 35-я батарея, ставшая последним оплотом обороны, но сражаться к тому времени было уже нечем — кончились боеприпасы. «Там у моря я и держал до последних минут свой КП, — поведал Октябрьский. — Со мной были Кулаков, генерал Петров, Моргунов и другие лица из руководства армией и флотом»⁵⁴. Адмирал начал интервью сидя за рабочим столом, но,

⁴⁹ Фазин З. И. Херсонесский мыс. С. 266.

⁵⁰ Там же. С. 268.

⁵¹ Там же. С. 270.

⁵² Там же. С. 270.

⁵³ Там же. С. 271.

⁵⁴ Там же. С. 271–272.

говоря о последних днях обороны Севастополя, он инстинктивно встал. Это не осталось незамеченным для Фази́на: «Разволновался человек, я видел. Уже стоя, рассказывал, как трудно было эвакуировать людей с Херсонеса...»⁵⁵

На второй день беседы Фази́н попросил Октябрьского дополнить то, что он сам считает нужным и важным. Тот неожиданно ответил, что, оказывается, не сказал еще и десятой доли того, что должен был рассказать «для истории». «Итак, попал я, значит, в историю», — скаламбурил он вслед за этим с улыбкой (данное лирическое отступление в текст стенограммы не вошло). Тем не менее, дополняя свой рассказ о защитниках Севастополя, адмирал счел важным подчеркнуть, что мужество жителей Севастополя, среди которых преобладали женщины, не уступало мужеству военных. Нахлынувшие воспоминания настолько его растрогали, что, по словам Фази́на, «Октябрьский, не стеснясь нас [с Шамшиной], вытер глаза большим носовым платком». После завершения интервью командующий ЧФ поинтересовался судьбой того, что он рассказал. Фази́н пообещал, что, по крайней мере, пока идет война, ничего из этой беседы не будет опубликовано⁵⁶.

В целом во время интервью бывший командующий Севастопольским оборонительным районом проявил осторожность. Не сказав ничего «лишнего», он смог в то же время продемонстрировать, что искренне переживает за сдачу города и гибель людей, а также представить выгодную ему версию событий последних дней обороны, которые еще могли грозить ему разбирательством с серьезными последствиями⁵⁷.

Прошло более года после этого интервью. Ф. С. Октябрьский пережил непростой период,

когда его снимали и вновь назначали на должности. Ситуация изменилась после того, как в марте и апреле 1944 г., судя по журналу посещения вояды, вновь назначенный командующим Черноморским флотом Октябрьский дважды был принят И. В. Сталиным в его кремлевском кабинете. 10 апреля 1944 г. ему было присвоено очередное воинское звание — адмирал. Все это было воспринято как своего рода «окончательное прощение» за Севастополь.

В мае 1944 г., после освобождения советскими войсками Крыма и Севастополя, сотрудник Комиссии З. И. Фази́н был направлен в командировку на полуостров⁵⁸. Он должен был собрать материал о недавних боях в Крыму и провести дополнительную серию интервью с участниками обороны Севастополя 1941–1942 гг. Пользуясь этой оказией, 11 мая 1944 г. И. И. Минц составил очередное письмо в адрес Ф. С. Октябрьского⁵⁹, которое ему должен был передать Фази́н. В нем руководитель Комиссии благодарил за то, что весной 1943 г. Октябрьский «оказал большое содействие в проведении сбора материалов об обороне Одессы, Севастополя и участия в этом ЧФ. Вы поделились также личным рассказом, стенограмма которого представляет чрезвычайно ценный и богатый документ для будущей истории Великой Отечественной войны». Капитану Фази́ну, говорилось далее в письме, поручено доставить расшифрованную стенограмму этих воспоминаний Октябрьскому для авторизации. «Направляя стенограмму, Комиссия просит прочесть ее и после исправления возможных неточностей, подписав ее, вернуть нам через тов. Фази́на»⁶⁰, — говорилось в конце письма.

Однако в конце мая — июне 1944 г. встретиться с Октябрьским Фази́ну не удалось, так

⁵⁵ Там же. С. 272.

⁵⁶ Там же. С. 273–274.

⁵⁷ Осенью 1942 г. для изучения опыта обороны Севастополя НК ВМФ создал специальную комиссию во главе с начальником Управления боевой подготовки Главного морского штаба вице-адмиралом С. П. Ставицким. Комиссия могла выявить упущения со стороны руководства СОР и ЧФ.

⁵⁸ Письмо И. И. Минца — начальнику Политуправления ЧФ генерал-майору А. Н. Филаретову от 11 мая 1944 г. с просьбой оказать содействие командируемому в Крым сотруднику Комиссии З. И. Факторовичу (Фази́ну) в сборе материалов о деятельности ЧФ в годы войны (НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 48).

⁵⁹ Там же. Л. 45 — 45 об.

⁶⁰ Там же.

как во время его командировки командующий Черноморским флотом в Крыму и Севастополе не появлялся. Главная база ЧФ до осени 1944 г. продолжала оставаться на кавказском побережье. «Флота мы здесь не нашли, никакие корабли пока сюда не ходят (из-за мин)...»⁶¹ — докладывал Фазин в письме Минцу 16 июня 1944 г. из находившегося тогда в руинах и почти безлюдного Севастополя. Соответственно, стенограмма интервью с Ф. С. Октябрьским от марта 1943 г. так и осталась не авторизованной. В публикуемом нами в этом сборнике варианте текста, сохранившемся в НА ИРИ РАН, соответствующие пометы и подпись Октябрьского отсутствуют.

В отличие от Ф. С. Октябрьского, встретиться с генерал-лейтенантом И. Е. Петровым, чтобы взять у него интервью, Фазинову и его коллегам — сотрудникам Комиссии не удалось ни в 1943, ни в 1944–1945 гг. Этому есть свои объяснения. 5 февраля 1943 г. Черноморская группа войск (ЧГВ) Закавказского фронта, которой командовал Петров, была передана в состав Северо-Кавказского фронта. Вначале ЧГВ сохраняла самостоятельность, но после 15 марта 1943 г. началось слияние их командных и штабных структур. Одновременно с этим Петров был назначен начальником штаба Северо-Кавказского фронта. Непрерывные управленческие пертурбации, по времени совпавшие с командировкой Фазинова, к тому же происходили в условиях тяжелых боев этих войск фронта в ходе Краснодарско-Новороссийской наступательной операции.

Но возможно, что занятость генерала одновременно оказалась удобным поводом отказать от интервью? Известно, что И. Е. Петров в первое время крайне тяжело переживал потерю

Севастополя и гибель людей. С одной стороны, он понимал, что с военной точки зрения сделал все что мог, так как сохранить город в сложившихся условиях было невозможно. Другое дело — вопрос эвакуации войск и гражданского населения. Основные моральные терзания он испытывал по поводу того, верно ли сделал, что согласился эвакуироваться из обреченного Севастополя вместе с другими представителями командования обороной⁶². А. Г. Капитохин, интервью с которым мы публикуем в данном сборнике, на основании личных встреч с генералом в июле 1942 г. отмечает, что в первый период после эвакуации из Севастополя Петров «был близок к самоубийству, и только благодаря своему железному характеру он мог все это перенести».

Рассказывать о трагических днях обороны Севастополя генерал И. Е. Петров не любил. В отличие от многих военачальников, он не оставил мемуаров (генерал армии, Герой Советского Союза И. Е. Петров умер в 1958 г. в возрасте всего 61 года). Вероятно, единственным сохранившимся свидетельством стала публикация небольшого текста его доклада «Севастополь в Великой Отечественной войне», с которым он выступил 27 октября 1954 г. на совместном заседании Ученого совета Института истории АН СССР и Отделения исторических наук АН СССР⁶³. Этот доклад, уместившийся на 28 страницах формата А4, соответствовал официальным трактовкам событий, сформировавшимся после войны. Кратко охарактеризовав основные этапы обороны Севастополя и роль в ней флота и Приморской армии, которой он командовал, И. Е. Петров воздержался от рассказа о трагическом последнем периоде

⁶¹ Архив РАН. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 998. Л. 3 об.

⁶² На последнем чрезвычайном Военном совете СОР 30 июня 1942 г., проходившем на 35-й батарее, Ф. С. Октябрьский, сообщив о полученном разрешении на эвакуацию его и командования СОР, предложил оставить вместо себя в Севастополе своего заместителя генерала И. Е. Петрова и сообщил, что этот вопрос был предварительно согласован им со Ставкой и с наркомом ВМФ Н. Г. Кузнецовым. Однако в ходе обсуждения на этом Военном совете было принято решение оставить руководить обороной и обеспечением эвакуации, что в тех условиях было сопряжено со смертельной опасностью, не Петрова, а командира ниже рангом — комдива П. Г. Новикова. Октябрьский тут же утвердил это решение Военного совета СОР, а Петров не стал возражать, хотя оно противоречило согласованному со Ставкой. Через несколько дней выяснилось, что оставленный в обреченном Севастополе комдив Новиков пропал без вести (на самом деле он попал в плен и впоследствии погиб в концлагере).

⁶³ *Петров И. Е. Севастополь в Великой Отечественной войне // Доклады и сообщения Института истории АН СССР. Т. 5. М., 1955.* Оригинал текста этого доклада, авторизованный И. Е. Петровым, хранится в НА ИРИ РАН.

обороны, о деталях собственной эвакуации и о последующих моральных переживаниях. В докладе отсутствовало личностное, эмоциональное восприятия событий, столь характерное для стенограмм Комиссии И. И. Минца военных лет.

Несколько слов об обстоятельствах появления других стенограмм, публикуемых в данном сборнике. Из отчета Комиссии Минца за 1944 г. следует, что З. И. Фазиным в ходе командировки в только что освобожденный от врага Крым весной — летом 1944 г. было проведено стенографирование еще 51 беседы с участниками обороны и освобождения Одессы и Севастополя⁶⁴. В местечке Чистеньком под Симферополем, где располагался штаб 51-й армии, Фазин и Шамшина записывали интервью военнослужащих, а также подпольщиков и партизан, некоторые из которых участвовали в обороне Севастополя 1941–1942 гг. В отношении последних это было нелегким испытанием, поскольку «пережили они столько, что беседа с каждым отнимает чуть не полдня, причем в ходе интервью люди часто плачут, вспоминая погибших родных и близких»⁶⁵. В феврале — марте 1945 г. состоялась последняя отраженная в источниках командировка Фазина на Черноморский флот в годы войны⁶⁶. Ему и другим сотрудникам Комиссии тогда удалось опросить моряков, участвовавших в обороне и освобождении Крыма, в том числе командиров бронекатеров, тральщиков, морских охотников, подводных лодок.

Необходимо отметить, что в 1943–1945 гг. к сбору документов и проведению интервью по военно-морской тематике, помимо З. И. Факторовича (Фазина), дополнительно привлекались и другие сотрудники. Так, с января 1943 г.

руководство ВМФ для сбора материалов об участии в войне моряков и частей флота временно прикомандировало к Комиссии нескольких слушателей курсов начсостава ВМФ, имевших историческое образование: капитанов административной службы В. А. Дивина и Н. П. Мазунина, а также старшего лейтенанта Ф. С. Криницына⁶⁷. Одновременно И. И. Минц обратился с личными письмами к некоторым ключевым фигурам обороны Севастополя с просьбой дать интервью. Среди них был контр-адмирал Н. Ф. Заяц, руководивший службой тыла ЧФ, а с августа 1942 г. возглавлявший в Москве постоянную приемную комиссию при НК ВМФ, которая принимала строящиеся боевые корабли. К нему для проведения интервью был направлен В. А. Дивин⁶⁸. Эта стенограмма тоже публикуется в данном сборнике.

Не вполне ясным остается вопрос, почему в годы войны, при наличии значительного количества собранных Комиссией материалов, так и не была завершена подготовка сборника документов или книги об обороне Севастополя. Между тем в отчете о работе Комиссии за 1943 г. утверждалось, что З. И. Фазиным был собран основной материал для книги «Оборона Севастополя»⁶⁹. В подтверждение этих слов 28 декабря 1943 г. Комиссия направила запрос начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу Г. А. Степанову: «В связи с работой по истории обороны Севастополя Комиссия просит изготовить и предоставить карты линии фронта под Севастополем к моменту 1, 2 и 3 штурма»⁷⁰. Если встал вопрос о картах и иллюстративном материале, то это могло означать, что подготовка сборника находилась на завершающей стадии либо на основе собранного материала

⁶⁴ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 108, 118. Некоторые из этих стенограмм были опубликованы нами ранее в кн. «Здесь кровью полит каждый метр...» Рассказы участников освобождения Севастополя. 1943–1944 гг. М.; СПб., 2020.

⁶⁵ *Фазин З. И.* Херсонесский мыс. С. 308.

⁶⁶ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 200.

⁶⁷ Там же. Л. 255. Очевидно, не без влияния работы в Комиссии Мазунин после войны написал несколько научно-популярных брошюр по военно-морской тематике: «Волжская военная флотилия в Великой Отечественной войне» (М., 1947) и «Черноморский флот в Великой Отечественной войне» (М., 1949).

⁶⁸ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 247.

⁶⁹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 38. Л. 1–2.

⁷⁰ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 22. Л. 147.

готовилось аналитическое исследование. Можно также предположить, что в собранных Комиссией материалах об обороне Севастополя было слишком много «неудобных» моментов, чтобы они могли в тех условиях пройти военно-политическую цензуру. Что касается стенограмм бесед, то не стоит забывать, что респондентам перед проведением интервью были даны гарантии, что их свидетельства не будут преданы гласности, по крайней мере, до конца войны.

Последний небольшой блок интервью, представленных в нашем сборнике, относится к первым послевоенным годам, когда в связи с объявлением 1 мая 1945 г. Севастополя городом-героем тема обороны города в 1941–1942 гг. вновь вышла на первый план. К этому времени на базе прекратившей существование Комиссии по истории Великой Отечественной войны И. И. Минц создал сектор истории Великой Отечественной войны в Институте истории АН СССР, в рамках которого был продолжен сбор материалов. В частности, поскольку в имевшихся источниках получило недостаточное освещение участие авиации ЧФ в защите Севастополя, 15 августа 1946 г. Минц направил письмо командующему ВВС ЧФ генерал-лейтенанту авиации П. Н. Лемешко: «Сектор собрал большой материал по обороне Севастополя. В основном это материал Черноморского флота, но у нас очень мало материала об участии ВВС ЧФ»⁷¹. Минц далее просил посодействовать сбору материалов и проведению интервью с летчиками — участниками обороны и освобождения Севастополя, для чего он командировал из Москвы научного сотрудника Е. М. Грицевскую, которая во время войны в Комиссии Минца специализировалась на авиационной тематике. Эта поездка оказалась результативной.

В итоге за период войны и первый послевоенный период был собран значительный материал по истории обороны Севастополя 1941–1942 гг. Частично он сохранился в современном Научном архиве ИРИ РАН (преимущественно стенограммы интервью), частично был передан после войны в военные и иные архивы.

Археологические особенности сборника

Наибольшую научную ценность представляют стенограммы бесед с военнослужащими, собранные в основном сотрудниками Комиссии во время командировок в действующую армию. Каждое интервью — это сочетание, с одной стороны, заранее заданной тематики (в данном случае — героическая оборона Севастополя) и, с другой — экспромта, основанного на спонтанном рассказе респондента и уточняющих вопросах опрашивающего. Успех интервью во многом зависел от того, насколько сотрудник Комиссии был «в теме» и хорошо ли подготовлен к беседе именно с данным человеком.

По возвращении в Москву делалась расшифровка стенографических записей и они распечатывались техническим работником на машинке. После чего — на практике спустя несколько месяцев и более после беседы — делалась попытка авторизации машинописной копии стенограммы. Однако в условиях военного времени сделать это было непросто. Из того массива источников, который сохранился в фонде Комиссии, только часть стенограмм выверена (нередко с внесением редактуры) и подписана респондентом. Во многих случаях, в том числе при гибели опрошенных, заверительную надпись ставил проводивший беседу сотрудник Комиссии. Некоторые стенограммы не авторизованы.

Комментирование и интерпретация включенных в сборник источников представляет собой непростую задачу. Герои интервью были, несомненно, людьми своей эпохи, выросшими и воспитанными в определенное время, на определенных представлениях и ценностях. Это предполагало, помимо прочего, самоцензуру во время беседы с сотрудником Комиссии. Тем не менее на рассказ влияла чрезвычайная обстановка войны, обостренное ощущение минимального расстояния между жизнью и смертью (некоторые респонденты действительно не доживали до конца войны). У некоторых авторов интервью (как правило, у кадровых флотских офицеров) за плечами был опыт Гражданской войны. Но большинство опрошенных — это

⁷¹ НА ИРИ РАН. Ф. 2. Раздел 14. Оп. 1. Д. 25. Л. 143.

молодые люди, формирование характеров которых пришлось на 1930-е гг. и военную пору. Поэтому так важен биографический контекст, который представлен в стенограммах.

Публикуемый в данном сборнике уникальный комплекс документов впервые вводится в научный оборот. В фонде Комиссии Минца было выявлено в общей сложности 105 стенограмм бесед с военнослужащими из числа высшего, среднего и младшего начальствующего и рядового состава Черноморского флота и Приморской армии, участвовавшими в 1941–1942 гг. в обороне Севастополя. Стенограммы были записаны по горячим следам событий войны сотрудниками Комиссии, которым было специально поручено разрабатывать военно-морскую тематику. Неудивительно поэтому, что в отложившихся в архиве источниках в первую очередь оказалась отражена роль Черноморского флота в героической обороне Севастополя. Вместе с тем роль флота в обороне города в действительности была настолько существенной и разнообразной, что преобладание в архиве интервью с моряками представляется закономерным, не искажающим реальную картину событий. Ведь не случайно именно на командующего Черноморским флотом Ставка в решающий момент возложила руководство Севастопольским оборонительным районом.

Морская и сухопутная оборона Севастополя оказались во время осады города и трех его штурмов неразрывно связаны. За счет матросов были сформированы значительные по численности подразделения морской пехоты, стойко сражавшиеся с врагом. Флотские артиллеристы и морские летчики оказывали серьезную поддержку оборонявшимся частям. Флот являлся основным, а на определенном этапе — единственным средством снабжения осажденного врагом Севастополя (продовольствие, техника и боеприпасы, маршевые пополнения), а также вывоза раненых и в целом — связи с «большой землей».

Для публикации в настоящем сборнике составители отобрали 52 наиболее информативно насыщенные и ценные с учетом современного состояния историографии этой темы

стенограммы, отражающие в том числе малоизвестные и дискуссионные аспекты истории обороны Севастополя. Значительная их часть — 49 из 52 стенограмм принадлежат флотским чинам — морякам, артиллеристам, морским пехотинцам и летчикам Черноморского флота. Три публикуемые в сборнике стенограммы представляют собой интервью с представителями командного и политического состава (И. А. Ласкин и А. Г. Капитохин — командиры, И. Ф. Чухнов — политработник) Приморской армии, являвшимися подчиненными командующего СОР Ф. С. Октябрьского и находившимися в тесном контакте с руководством флота.

Включенные нами в сборник документы отражают различные периоды и аспекты обороны Севастополя. В них читатель узнает об основных направлениях деятельности ЧФ по защите города и базы флота, о боевой работе различных родов сил и соединений флота, о роли ЧФ в снабжении осажденного города, о взаимодействии моряков и бойцов Приморской армии, но также — о случаях массового героизма и самопожертвования матросов, солдат и командиров, о настроениях и воинском быте оборонявших Севастополь подразделений, об исключительной помощи бойцам со стороны гражданского населения и многое другое. Не обойдены вниманием и трагические страницы, связанные с гибелью защитников и захватом Севастополя неприятелем.

В целом зафиксированные в стенограммах рассказы непосредственных участников тех событий, будучи собранными воедино в сборнике, дают довольно цельную и разностороннюю картину обороны Севастополя в 1941–1942 гг. Вместе с тем по объективным причинам не все аспекты темы оказались в равной мере представлены в источниках. В частности, сохранилось сравнительно мало свидетельств рядовых бойцов и командиров Приморской армии. Самостоятельного изучения заслуживает и роль гражданского населения в защите города.

Все документы, включенные в данный сборник, публикуются нами без сокращений. Предшествующая описанию собственно боев за Севастополь часть интервью (порой весьма обширная, в том числе биографическая

и содержащая тематику обороны Одессы) сохранена. Она рассматривается нами, как в свое время и сотрудниками Комиссии, как предыстория, важная для понимания «жизненной траектории» респондента, проявившего свои качества на войне, в том числе в боях за Севастополь. Кроме того, такой подход позволяет показать эти события в более широком контексте, рассказать о том, как предыдущий боевой опыт был использован во время отражения трех штурмов города неприятелем.

В ходе подготовки документов к публикации мы сочли необходимым провести незначительную редакторскую правку. Речь идет в основном о приведении текстов в соответствие с современными правилами орфографии и пунктуации и с исправлением без специального указания на это явных ошибок и описок в тексте стенограмм. Последние зачастую появились потому, что стенографистки, работавшие в походных условиях, воспринимали и фиксировали устную речь на слух (например, писали фамилии сослуживцев, географические названия, термины и др. так, как слышалось, когда их произносил респондент, или же — как он запомнил). Большие проблемы возникали и в связи с тем, что стенографистки не были знакомы с военно-морской терминологией, которая присутствовала во многих стенограммах. Кроме того, во время расшифровки стенографических записей во время войны машинистки подчас не обращали внимания на длину и структуру предложений, которые порой оказывались перенасыщенными оборотами, запутанными и в итоге трудно воспринимаемыми. При этом мы старались сохранить отраженную в стилистике стенограмм специфику устной речи респондента, в которой ярко проявлялась его индивидуальность, уровень образования, жизненный опыт, происхождение, национальные особенности и др.

Специально следует сказать о заголовках публикуемых документов. Легенда соответствует современным правилам археографии. Воинское звание и должность респондента в заголовке каждого документа мы сочли необходимым дать такими, какие он имел в период обороны

Севастополя. Одновременно в подстрочной сноске дается звание и должность на момент интервью.

Сборник состоит из историко-археографического предисловия, из обширного исторического введения, из пяти основных документальных разделов, а также из научно-справочного аппарата. В первом документальном разделе представлен взгляд на события обороны Севастополя со стороны командования и политорганов Севастопольского оборонительного района и ЧФ. В последующих четырех разделах публикуются стенограммы бесед соответственно с моряками надводных и подводных кораблей, артиллеристами, морскими пехотинцами и летчиками. Каждый документальный раздел предваряется вводной статьей, задача которой — ввести читателя в курс описываемых в документах событий, дать необходимые пояснения. Документы сопровождаются подробными комментариями в виде подстрочных примечаний, для составления которых привлекались фонды ряда архивов, прежде всего ЦАМО РФ и его филиала — Архива ВМФ в Гатчине.

Обширный НСА к сборнику включает: аннотированный именной указатель, географический указатель и указатель упоминаемых в тексте кораблей, а также список сокращений и список основных источников и литературы.

Сборник богато иллюстрирован. В нем имеются карты и схемы боевых действий, дающие наглядное представление об этапах обороны Севастополя. Помещенные в сборник фотографии — двух категорий. Во-первых, фото респондентов (авторов интервью), которые размещаются по тексту в начале каждой стенограммы. Во-вторых, это помещенные на вклейки фотографии военных лет, дающие наглядное представление о содержании публикуемых в сборнике стенограмм (фото основных действующих лиц, руководителей и героев обороны; кораблей, военной техники, оборонительных сооружений; фото военной и городской повседневности осажденного Севастополя и др.). Несколько фотографий предоставлены Музеем героической обороны и освобождения Севастополя.